

Марина
СЕРОВА

ЗАБАВЫ *высших сил*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Забавы высших сил

«ЭКСМО»

2013

Серова М. С.

Забавы высших сил / М. С. Серова — «Эксмо»,
2013 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-65371-3

Частного детектива Татьяну Иванову нанимает Анастасия Костромская. Совсем недавно ее единственного сына Аркадия во дворе собственного дома насмерть сбил автомобиль. Анастасия Валентиновна уверена: Аркадия специально убили. К тому же ей не дает покоя и еще одно происшествие, случившееся сразу после гибели сына: кто-то неизвестный подбросил в их почтовый ящик конверт со значительной суммой денег. Кто и, главное, зачем прислал ей американские доллары, Костромская даже не представляет. Татьяна Иванова узнает, что светлый автомобиль отечественного производства и мотив избавиться от парня был у бывшей девушки Аркадия, которая вполне могла отомстить ему за неудавшуюся личную жизнь...

ISBN 978-5-699-65371-3

© Серова М. С., 2013

© Эксмо, 2013

Марина Серова

Забавы высших сил

Вот когда я из сравнительно молодой и привлекательной женщины превращусь в убеленную сединами бабульку, займусь, наверное, мемуарами. Мне есть что поведать миру. Напишу о самых своих интересных делах. Криминальных, разумеется. Нет, только не подумайте, что я уголовница, как раз наоборот. Я – частный сыщик. Вернее, сыщица. Или, как называют меня некоторые мои друзья, а иногда и недруги, ищейка. А если выражаться точно и вежливо по отношению к моей профессиональной деятельности, то – частный детектив. Так и записано в моей лицензии. Кроме того, как и полагается людям данного рода занятий, немножечко стерва, немножечко безбашенная и довольно умная, несмотря на то что блондинка.

Итак, как бы я начала свою первую повесть? Определенно, нужно представиться. Зовут меня Татьяна Александровна Иванова. Мне двадцать... Впрочем, возраст женщина не обязана указывать. Родилась в городе Тарасове, что стоит на берегу великой матушки-Волги, и в нем живу всю свою сознательную жизнь. Закончила тарасовскую юридическую академию, курсы психологии при тарасовском же университете, кроме того, знаю карате, самбо и еще много страшных слов! Да, шутки в моих мемуарах не помешают. После учебы поработала немного помощником прокурора, после чего поняла, что горы писанины – не для меня. Для меня важны только действия, причем стремительные, без проволочек и лени. Кроме этого осознания своего призвания, получила на данной, с позволения сказать, работе корочки этого самого помощника. Они, конечно, давно просрочены, но очень помогают порой в моей работе частного детектива. Большинство людей к чужим документам бывают крайне невнимательны, им, главное, хоть какую-то бумажку показать, и они тебе уже верят. Вот потому у нас достаточно развелось аферистов. Так что, граждане, будьте всегда бдительны!

Ну, как-то так. Если уж я что и упустила, вспомню по ходу «мемуарописания». А вот какое дело вошло бы в мою первую повесть – так это, наверное, то, которое я закончила совсем недавно! Не так часто мне попадаются такие, я бы сказала, шокирующие... или душещипательные, что ли. Да, над литературным языком придется еще поработать. Но это к старости. А сейчас, пока я валяюсь на диване и отдыхаю от проделанной накануне работы, предложу вам наброски и черновики. Так что не судите строго, пожалуйста.

Ну, начнем, помолясь!

* * *

Как сейчас помню, тот день был довольно пасмурным, как, впрочем, и несколько предыдущих. Температура за окном к середине ноября была минус ноль. Почему минус, спросите вы? Потому, что холодно, а я терпеть не могу, когда тебя пронизывает сырость, прилипает слякоть... нет, грязь, и джинсы понизу испачканы этими серыми брызгами, а про машину и говорить нечего. Ах да! У меня есть железный конь по имени «мишель». Я так зову эту машину, потому что она, во-первых: «Ситроен», то есть французская, а имя Мишель тоже французское; во-вторых, оно является как мужским, так и женским. И если это импортное изделие меня сегодня ни в чем не подвело, не застряло в пробке, не завязло в районном навозе, или еще чего, то тогда она – девочка. Поскольку девочки более выносливы и трудолюбивы, чем эти... ну, вы понимаете, о ком я. А если завтра что не так, то «мишель» автоматически становится этим самым... мальчиком, в общем.

Так вот, в тот день мне позвонила одна женщина и представилась как Анастасия Валентиновна Костромская... Так, неправильное начало повести. Нужно по-другому.

Время близилось к обеду. В холодильнике, кроме двух яблок и пакета ряженки, ничего больше не имелось. Я подумала о том, что гастрит – не самая приятная перспектива, и стала переодеваться для похода в ближайший супермаркет. Куплю сейчас пельмени и устрою праздник живота. Готовить я просто ненавижу, да и времени чаще всего на это нет, поэтому веду такой полуфабрикатный образ жизни. Либо – кафе, быстро, пиццерия и прочие заведения общепита, благо деньги на это имеются.

Я уже вошла в свои любимые джинсы, когда зазвонил домашний телефон. На домашний чаще звонят люди пенсионного возраста. Давно уже это поняла. Так и на сей раз я не ошиблась.

– Да, я вас слушаю.

– Здравствуйте, – прозвучал в трубке голос немолодой женщины. – Могу я поговорить с Ивановой Татьяной Александровной?

– Можете, говорите, – не совсем вежливо отозвалась я, предчувствуя, что боль в желудке мне все-таки обеспечена.

– Это вы? – немного растерянно спросила звонившая.

– Да-да, слушаю вас, – скороговоркой поторопила я потенциальную клиентку.

– А-а, здравствуйте, Татьяна Александровна, – снова поприветствовала она меня. – Вас беспокоит Костромская Анастасия Валентиновна. Мне посоветовали обратиться к вам. Вы же частный детектив? Да?

– Да-да, слушаю вас, – повторила я в третий раз, не теряя самообладания. Клиенты со своими бедами – это мой хлеб. А также пельмени, пицца, Мишель и другие полезные вещи. Я стараюсь уважать своих клиентов.

– Татьяна Александровна, – всхлипнули в трубке, – а можно с вами как-то встретиться?

– Конечно, уважаемая Анастасия Валентиновна, – как можно мягче отозвалась я, боясь, что она незамедлительно разрыдается. Такое часто случается в моей практике.

По правде сказать, чего уж там, звонят мне чаще всего люди отчаявшиеся. И не для того, чтобы поделиться радостью.

– А можно прямо сейчас? – умоляюще попросила Костромская.

– Хорошо, приходите. Жду. Вы адрес мой знаете?

Вообще-то с некоторой регулярностью я размещаю объявления в местных рекламных газетах, в объявлениях есть мои телефоны и адрес. Это для таких, как Анастасия Валентиновна. Для людей помоложе – в Интернете. Но если говорят: «Мне посоветовали», еще неизвестно, знают ли они место моего обитания.

– Да, мне сказали. Значит, сейчас можно?

– Да, сейчас. А вы где в данный момент находитесь? – не без основания поинтересовалась я.

– В Заводском районе, – обрадовала меня Анастасия Валентиновна. – Так я еду?

– Обязательно! Жду! – с оптимизмом ответила я и отшвырнула трубку.

Это называется у тетки «сейчас»! Да из Заводского, из этой Пырловки, до меня полчаса на такси пилить, а уж если на автобусе, то и час. Разумеется, Костромская услугами такси не воспользуется, как и сотовым телефоном, а посему у меня есть время на обед!

В супермаркете я купила две копченые куриные ляжки, отказавшись от варки пельменей, в микроволновке все же побыстрее, и еще баночку лососевой икры на завтрак. Кто знает, будет ли у меня в дальнейшем время на такие грандиозные закупки? Уже у кассы спохватилась и побежала обратно к прилавкам за батоном и сливочным маслом. Какая икра может быть без масла? На ужин в домашней обстановке я не рассчитывала. Если начнется работа, то об этом можно и не мечтать.

Обед удался на славу, поскольку я успела еще выпить чашечку кофе и выкурить со вкусом вкусную сигарету. Борюсь, конечно, с курением, но борьба с преступностью мне дается гораздо легче.

* * *

Не успела еще вытяжка до конца нейтрализовать следы моей пагубной привычки, как домофон оповестил о приходе Анастасии Валентиновны. Я глянула на маленький экран и визуально, насколько он позволял, заценила ее внешний вид. Нет, надо говорить «оценила». Вдруг меня будут читать люди культурные, не понимающие современный молодежный сленг.

На вид ей было лет около шестидесяти пяти, прикид... ой, одежда довольно старомодная. Какое-то мешковатое пальтишко и вязаный беретик. Черно-белое изображение монитора не позволяло разглядеть цвет одежды и обувь, слишком близко клиентка стояла к камере видеонаблюдения, и я поспешила впустить ее в подъезд.

Через пару минут Костромская уже предстала перед мои голубые очи и, кряхтя, стала расстегивать свои довольно поношенные грязные полусапожки из кожзаменителя. Пальто оказалось серым, а берет зеленым, явно связанным ее собственными руками. И я как-то стала сомневаться в ее платежеспособности. По тарасовским меркам мои гонорары вполне приличные: двести долларов в день. Не чета, конечно, столичным, но я ведь не крохобор. Иногда бывало, что лишь из справедливости вообще не брала денег со страждущих, смотря насколько ценной была сама по себе борьба за справедливость.

Наконец Анастасия Валентиновна разогнулась, и я услышала от нее очередное приветствие. До сих пор она молчала. Я – тоже.

– Да, здравствуйте, – кивнула я, – проходите сюда, пожалуйста, – и указала приглашительным жестом на кухню, пропуская ее вперед.

Костромская была в меру упитанной женщиной с седыми волосами, выбивающимися жидкими прядками из-под зеленого берета. Мясистый нос ее был красноват, а чуть раскосые темные глаза – припухшими. Видимо, плакала. На ней так же мешковато, как и пальто, сидела серая же фланелевая юбка, которую дополнял темно-бордовый джемперок, определенно связанный тоже ею. Она неуверенно опустилась на краешек стула и тяжело вздохнула.

– Простите, Анастасия Валентиновна, сразу спрошу вас, – опередила я ее излияния, – кто вам посоветовал ко мне обратиться? Если не секрет, конечно.

– Нет, не секрет, – довольно бойко отозвалась она. – Это Луговичная Мальвина Васильевна. Мы соседи по двору.

Я прекрасно знаю и помню Луговичную, вполне достойная женщина. Мне пришлось выручать, вернее, даже спасти ее сына, а заодно и моего бывшего одноклассника от большой неприятности, которая грозила парню очень долгим сроком заключения. Там была довольно мощная подстава в мокрухе... Простите, его подозревали в убийстве, которое он не совершал, но все улики были против него. Кстати, надо бы и эту историю определить в мои будущие мемуары.

– А ваша соседка по двору вас проинформировала насчет оплаты моего труда? – не постеснялась спросить я, чтобы зря не тратить свое время.

– Да-да, вы не беспокойтесь, Татьяна Александровна. Деньги у меня теперь есть. Правда, совершенно не понимаю, откуда они пришли.

– Что ж, тогда давайте начнем. Все по порядку, без нервов, желательнее четко и ясно. Я вас внимательно слушаю.

Костромская чуть подалась вперед, стул под ней скрипнул и наклонился вместе с ней. Я ловко подхватила клиентку под локоток и усадила на место, посоветовав устроиться поудобнее и откинуться на спинку стула. Не хватало мне тут еще несчастного случая. Вообще, на край

присаживаются люди неуверенные в себе. Это знаю из тех же курсов психологии. Почему же не уверена в себе Костромская? Скорее всего, ожидает отказа с моей стороны. Значит, я ей очень нужна, рассудила я, пока она охала и извинялась.

– Ну и? – поторопила я ее, сев через стол напротив.

– Ах да, – спохватилась Анастасия Валентиновна, будто забыв, зачем сюда пришла. – Я насчет моего сына Аркашеньки. Он у меня... – и, не договорив, она стала сотрясаться в беззвучных рыданиях.

Я немедленно налила ей прямо из крана воды и протянула стакан:

– Может, валидол еще?

У меня на такие случаи всегда под рукой эти пахучие таблетки. Нередко приходится ими угощать моих посетителей. Но, сделав отрицательный жест, Костромская отпила пару глотков, поправила свой берет и, снова глубоко вздохнув, приступила к рассказу:

– Дело в том, Татьяна Александровна, что мой Аркашенька два месяца назад попал под машину. Насмерть. На месте умер, прямо у нас во дворе, – при этих словах она расстегнула свою черную сумку, которую до сих пор не выпускала из рук, и выудила оттуда носовой платочек. Смачно высморкалась, скомкала его и поднесла к глазам, которые снова слезились. – Свидетелей они не нашли. Темно было.

Народу, наверное, уже никого. Девять часов. Вечер. А, может, и не искали совсем.

«Ну-у-у, ДТП», – разочарованно подумала я, чаще всего, если полиция не разобралась, дело почти безнадежное. Но все-таки продолжала слушать клиентку.

– В полиции мне сказали, что разбираться тут нечего, потому что это несчастный случай и более ничего, – подтвердила она мои умозаключения. – Вы же знаете, как там у них, особо работать не хотят, если есть возможность все списать на несчастный случай. Но я не верю им! – горячо возразила Анастасия Валентиновна, погрозив кому-то пальцем. – Ведь вы знаете, как там?!

Я знала. Да, работать особо не хотят. Зато я чаще всего при работе. Спасибо им за праздность их бытия!

– И что же вас насторожило? – не очень надеясь на успех нашего с ней совместного дела, спросила я.

– А дело в том, что Аркашеньку не просто сбила машина. Она его сбила, а потом еще и переехала! – почти выкрикнула Костромская.

– Вот как? – немного удивилась я, почуяв носом ищейки, что дело может и впрямь оказаться куда интереснее, чем предполагалось. – А откуда вам стало известно об этом? От вас в полиции этот факт даже и не пытались скрыть? – спросила я, прекрасно зная, что вот к таким простушкам, какой казалась на первый взгляд моя клиентка, отношение в нашей полиции весьма особенное: поскорее отправить восвояси, ничего толком не объясняя. Дел и так невпроворот, и они гораздо важнее, чем подобные.

– Поначалу да, вообще со мной не церемонились. Но когда я получила на руки свидетельство о причине смерти моего сыночка, то ужаснулась. Там все было изложено! – опять перешла почти на крик Костромская. – И то, что на правом бедре обширная гематома от сильного ушиба, и то, что раздроблена грудная клетка с последующими повреждениями жизненно важных органов, то есть сердца и легких... – Тут она запнулась, громко всхлипнула и снова поднесла платочек к лицу. – И головной мозг...

– А кем вы работаете, Анастасия Валентиновна? – перебила я ее вновь зарождающиеся рыдания, поскольку меня некоторым образом удивили ее познания в медицине.

– Сейчас я на пенсии, уже два года. По возрасту сразу ушла, – всхлипнула она. – А раньше работала медсестрой в нашей первой градской больнице, что на улице Репина.

– Понятно, дальше, – попросила я, прикинув, что ей всего пятьдесят семь.

– И с этим заключением я пошла в свою больницу, к знакомому патологоанатому, и Сергей Владимирович мне сказал, что по этому заключению определенно понятно, что Аркашеньку машина не только сбита, но еще и переехала потом. Будто специально. Да вот оно у меня, взгляните сами, – полезла она в свою сумку, извлекая соответствующий документ.

Я бегло прочитала написанное и поняла, что доля правды в сказанном клиенткой существует. Она между тем продолжала:

– Вот видите, сначала его по ногам машина ударила. Он у меня высокий, длинноногий... был. Удар сначала пришелся по середине бедра, а уж потом... Это что ж за изверг такой был?! За что?

– Успокойтесь, соберитесь, – посочувствовала я ей, возвращая заключение судмедэксперта. – И что же вы предприняли дальше? Сразу – ко мне?

– Нет, сразу пошла опять в милицию, или полицию, черт их разберет. Говорю: так, мол, и так, не может быть, чтобы случайность такая, тычу им этим заключением. А они объясняют мне, что, скорее всего, водитель сбившей моего сына машины был в сильном алкогольном опьянении. Сначала сбил как будто, а потом стал разворачиваться и случайно наехал на него лежащего. Случайно! Вы представляете, каким это надо быть пьяным, чтобы так... Это как?!

– Ладно, допустим, это невозможно. Хотя в жизни возможно и не такое. Но есть ли у вас основания полагать, что ваш сын кому-то так сильно насолил, что его захотели убить? – резонно поинтересовалась я.

Анастасия Валентиновна поморщила мясистый нос, задумалась на минуту, а потом выдала:

– Боюсь, что мог он нажить себе врагов. Характер у него был задиристый. С детства еще. Но это потому, что не терпел несправедливость! А так мальчик он был порядочный, трудолюбивый и честный, – поспешила она оправдать сына. – Мне всегда помогал. Животных очень любил. Вот притащит какого-нибудь котенка полудохлого и выхаживает его или голубя подраненного. Даже мышонка почти слепого в подъезде нашел и домой притащил! В банке трехлитровой его выкармливал, а когда тот подрос, выпустил. В лес специально ездил! А я никогда не возражала. Да и отец его – тоже. Шутил, правда, иногда: «Тебе надо было девочкой родиться или стать ветеринаром, когда вырастешь». Добрый был ребенок, добрый. Ничего не скажешь. А как повзрослел, ну, чуть жестче стал. А как еще в нашем-то мире прожить?.. Да вот все одно, не прожил. Враги, видно, хитрее оказались.

В кухне воцарилась тишина. Я обдумывала, стоит ли браться за это сомнительное дельце. Ведь вполне может быть так, как предположили в полиции. Сейчас ведь часа полтора уйдет на то, чтобы опросить Костромскую по всей форме, не упуская по возможности даже самых мелких деталей. Ладно, посмотрим, что она скажет насчет своих подозрений относительно недругов Аркадия.

Она же, наверное, вспоминала их всех поименно.

– Итак? – первая прервала я возникшую паузу.

– Ну-у, это могли быть... могла кто-нибудь из его девиц, мог быть бывший друг его – Анатолий, ну-у... – не совсем уверенно начала перечислять Костромская.

– Так, хорошо, – остановила я ее, чувствуя, что можно попробовать. Даже если все окажется банальным, деньги я все равно получу. Да и клиентку в любом случае успокою. Очень часто таким, как она, просто необходимо докопаться до истины, чтобы отомстить обидчику. В принципе, я с ними согласна. Зло должно быть наказано. – Я возьмусь за ваше дело.

Костромская облегченно выдохнула и затеребила платочек.

– Только хочу сразу вас предупредить, что все может и на самом деле оказаться банальным наездом пьяного водителя. И вполне может статься, что я его в таком случае не найду.

Сами понимаете. Если нет свидетелей... – и я многозначительно развела руками. – Но твердо могу обещать: если берусь выполнять работу, то делаю ее очень добросовестно.

– Спасибо! Спасибо вам большое! Я вам верю. Мальвина Васильевна зря не посоветует, – рассыпалась в благодарностях моя клиентка, словно я пообещала воскресить ее сына. Мне даже неудобно стало.

– Давайте-ка для начала вы мне расскажете о своем сыне. Какое образование, где работал, с кем дружил, кого любил, а кого не очень. Хорошо?

Предусмотрительная Анастасия Валентиновна тут же достала из черной сумки фотографию Аркадия и протянула мне:

– Вот. Тут ему тридцать лет. А когда погиб, ему было полных...

– Тридцать два, – закончила я за нее, рассматривая цветную карточку, с которой на меня смотрел вполне симпатичный блондин с голубыми глазами и правильными, в отличие от матери, чертами лица. Этаким злодей-сердцеед, как поет Леонтьев.

– А вы откуда знаете, сколько ему было? – удивленно вскинула брови Костромская.

– Ну, вы же дали мне почитать свидетельство о смерти. Там все написано. Погиб, как я тоже уже знаю, четырнадцатого сентября сего года. Сегодня шестнадцатое ноября. Чуть больше двух месяцев назад. А пришли вы ко мне только сейчас, потому что все это время обивали пороги... и так далее.

– Совершенно верно, – с восхищением взглянула на меня Анастасия Валентиновна, – и вы так сразу запомнили?!

– Возьмите, – скромно опустив глаза, вернула я фотографию. – Так продолжим?

Через час я уже многое знала об Аркадии Николаевиче Костромском, немного не дожившем до возраста Христа. Только вот натурой он, как я поняла, был от Христа далек.

Отец Аркадия, а стало быть, муж Анастасии Валентиновны, умер от обширного инфаркта прямо на рабочем месте – у станка фрезеровщика, – когда Аркаше было девятнадцать лет. Образование тот получил, как выразилась Костромская, достойное, в отличие от отца. Окончил торговый техникум. Женат не был ни разу, но два года жил в гражданском браке с «ужасной женщиной» Постниковой Маргаритой, которая родила ему дочь. В той же квартире проживала и ее «мамаша, которая тоже немало кровушки попила» у несостоявшегося зятя. Но Анастасия Валентиновна всегда подозревала, что ребенок не от Аркадия. Так же думал и он, а потому после рождения дочери быстро вернулся в родительский дом, так и не женившись на Маргарите и не признав ребенка. То есть алиментами не был обложен. И, как опять же считала Анастасия Валентиновна, подтвердились их сомнения по поводу отцовства. Потому что «ужасная женщина» на эти самые алименты не подала и экспертизу, которую Костромская посоветовала сделать сыну, делать не стала.

По мнению моей клиентки, Маргарита Постникова могла быть в списке подозреваемых.

А еще Аркадий почти сразу после Маргариты некоторое время встречался с некой Каравайцевой Мариной. Но что-то у них не сложилось, и Аркадий ее бросил. У «этой дамочки», пояснила Костромская, были слишком большие запросы, а Аркаша не так уж много получал, работая менеджером на тарасовской мебельной фабрике. Марина же была сильно на него обижена и тоже может войти в число убийц. Тем более что характером она обладала «довольно агрессивным» и имела собственную квартиру.

Под эту же категорию подходил его бывший друг Анатолий Воскобойников. Тот был спившимся неудачником, обитающим в коммуналке. Аркадию надоело бесконечно давать ему в долг, и они сильно поссорились.

Где-то за месяц до гибели Аркадий познакомился наконец с «чудесной девушкой» Лидией Москвиной. Она очень переживала его смерть. До сих пор навещает Анастасию Валентиновну. Помогает пережить горе.

Друг у Аркадия был единственный и неповторимый – Спесивцев Алексей. Правда, тоже «немного попивает». Но человек хороший, «проверенный еще со школьной скамьи». Они вместе и на фабрике работали. Спесивцев был там грузчиком. Проживает в одной квартире с бабушкой.

Да, не густо, необоснованно, но надо всех проверить. Тем более что у Марины Каравайцевой имелась своя машина. «Какая-то белая». Да и у Анатолия была когда-то, только уже давно не на ходу. «Гниет в гараже». И лучший друг Спесивцев не был безлошадником. Ездит на бежевой «советской машине».

Не знаю, правильно ли я пишу, но все, что в кавычках, – выражения моей клиентки. Так и впоследствии ориентируйтесь. Лучше я опишу дальнейшее кратко и четко, иначе придется отступать на описание эмоционального состояния моей клиентки. А это займет много времени для вас. Да и для меня. Или в мемуарах надо все описывать подробно и душещипательно? Пока не знаю.

Что касается непосредственно самой трагедии, то сбит Аркадий был при выходе из арки, ведущей во двор их дома. Даже не успел дойти до первого подъезда. А они живут в третьем. Он в тот вечер после работы заходил к Лидочке, а затем пошел домой. Матери обещал, что вернется часам к девяти вечера. В половине десятого Анастасия Валентиновна заволновалась, «как сердцем почуяла неладное», стала звонить Москвиной, но та сказала, что Аркадий уже час как ушел от нее. Тогда взволнованная мать набрала номер сотового сына, а ей ответил незнакомый голос. Как оказалось, это уже полиция прибыла на место происшествия. Анастасия Валентиновна «как есть в домашнем халате и тапочках выбежала во двор». В полицию сообщил мужчина из первого подъезда двенадцатой квартиры – Мишакин Павел Петрович, он возвращался домой и увидел на асфальте окровавленное тело Аркадия. Поскольку тот был неузнаваем, не признал соседа и сразу вызвал «Скорую». А те в свою очередь – полицию.

Когда совершенно опухшая от слез Костромская собралась уходить, я задала ей вполне обычный вопрос:

– Скажите, Анастасия Валентиновна, вы вот сказали, что живете в одном дворе с Луговичной.

– Да. Только она в девятиэтажке, а мы... – тут она снова всхлипнула и поправилась: – А я – в пятиэтажке, что рядом прилегает. В тридцать пятой квартире.

– Но, насколько я знаю, Луговичные живут в Октябрьском районе, а вы сейчас приехали из Заводского. Так? – и я взглянула на нее вопросительно.

Костромская как-то сразу сникла, вжала голову в плечи и часто заморгала:

– Да, я... там, а... там э... у меня там живет... – залепетала она.

– Вам неудобно отвечать на этот вопрос? – не скрывая удивления, поинтересовалась я, помогая ей надевать пальто.

– Да нет, удобно. Вам... и теперь. В общем, у меня там живет один знакомый. Дело в том, что он неизлечимо болен. Прикован к постели. Вот еще одна трагедия на мою долю. Саша... Александр Степанович. Ему осталось жить буквально считанные дни. Он мне дорог, и я... – она снова сбилась и крепче прижала к груди сумку.

– Вы были с ним близки? – сочувственно взглянула я на нее.

– Нет... Да... Были когда-то. Он в больнице нашей лежал, где я работала. Тогда еще у него был шанс на выздоровление. Там и познакомились. Но я от всех это тщательно скрывала. Особенно от Аркаши. Не хотела, чтобы мальчик подумал, будто я предаю память его отца. Три с лишним года, как девочка, от сына скрывалась. Теперь вот вдвойне стыдно. Может, надо было все-таки их познакомить? Или уж нет? Не знаю.

– Понимаю, – соврала я.

Какой такой мальчик в тридцать с гаком? Какая память? Чего здесь особенного? Но, видно, Анастасия Валентиновна была женщиной особого воспитания, с определенными принципами.

– И еще последний вопрос, – поспешила я закрыть эту болезненную для нее тему. – Вы сказали, что к вам неизвестно откуда пришли какие-то деньги. Что это значит?

– Ах да! – спохватилась она, хлопнув себя по карману пальто, словно там и лежали эти деньги. – И как это вы все так запоминаете? Молодец какая!

С удовольствием выслушав очередную похвалу в свой адрес, я выжидательно смотрела на нее.

– Это была ужасная история, Танечка. Ох, простите, Татьяна Александровна.

– Ничего, можно и так, – махнула я рукой и решила, что зря оставила этот вопрос напоследок. Сколько еще придется париться в коридоре моей клиентке, если это опять очередной ужастик? – Может, вернемся на кухню?

– Да ну, – тоже отмахнулась она, – тут и говорить особо не о чем. Была у меня очень близкая подруга. В отличие от меня она деятельная такая, как сейчас говорят – крученая. Держала три магазина. Посудой торговала. Потом кризис восьмого года настал, и она стала прогорать. Кредиты брала, продавала кое-что из имущества своего. Но не хватало, чтоб на плаву удержаться. Вот тогда она пришла ко мне и попросила взять для нее кредит в сто пятьдесят тысяч рублей. Божилась, что если не выплывет, то продаст магазины и все мне вернет сполна. Я, старая дура, доверилась ей, даже с Аркашей не посоветовалась, взяла этот чертов кредит. Понадеялась сначала, не дадут мне – пенсионерке, но у Галины Дмитриевны там все знакомые в банке. Дали. Сначала-то все хорошо было. Мы с Галиной общались по-прежнему. Раз в месяц я платила нужные суммы, а она мне их компенсировала. А через полгода ко мне из банка позвонили и спросили, почему я перестала выплачивать долг? А я уж и забыла про эту ссуду. Звоню Галине, трубку берет чужой человек. Спрашиваю ее, а он отвечает, что уже месяц с лишним как купил эту квартиру! А про Галину ничего не знает! Представляете, Танечка?!

– Кошмар, – покачала я головой. – И что же на вас столько напастей? Как я вам сочувствую!

– Ой, спасибо, деточка. – И Анастасия Валентиновна снова собралась заплакать.

– Так, и что же дальше? – поторопилась я вывести ее из этого состояния. – Нашли вы Галину Дмитриевну?

– Прямо! Нет, конечно. Магазины она, как оказалось, все-таки продала, квартиру – тоже и уехала в Америку. А на мне остался ее долг. Я устроилась подрабатывать уборщицей, чтобы хоть как-то возросшие проценты выплачивать. Аркаше все рассказала. Ох и кричал же он на меня! Да и поделом мне. Потом тоже стал помогать платить. Вот так я до сих пор за свою лучшую подругку и отдуваюсь.

– А откуда вы узнали, что она в Америку уехала?

– А это мне соседи ее по квартире сказали. Я же ходила туда, выспрашивала. Ну а потом, когда с Аркашенькой это случилось, я вдруг обнаружила в почтовом ящике конверт. Спустя три дня после трагедии. Как раз в день похорон. На нем только и было написано печатными буквами: Костромской А.В. Я когда открыла его, так и обомлела! В нем доллары лежали! Много! Я, честно говоря, первый раз эти заграничные деньги в руках держала. Когда Лидочка ко мне пришла, я ей показала. Она посчитала и сказала, что на наши деньги тут немногим меньше ста тысяч рублей! Ну я и подумала, что Галина каким-то образом о моей трагедии узнала, совесть в ней шевельнулась, вот и прислала через кого-то часть своего долга. Да что уж теперь? Я сразу решила квартиру продавать и однокомнатную купить. Зачем мне теперь одной три комнаты? Так что с банком я расплачусь, и Александра Степановича будет на что хоронить. Да-а, недолго ему совсем... Ну и с вами есть сейчас чем расплачиваться, вы не волнуйтесь.

– Да я не для этого про деньги у вас спросила, – пожала я плечами, чувствуя, что начинаю оправдываться перед несчастной теткой. – Мне все нюансы важны, поверьте.

– Я понимаю, понимаю, – энергично закивала она, словно испугавшись, что я ей сейчас откажу. – Вы спрашивайте, ради бога.

– Как фамилия вашей бывшей подружки?

– Пушкарева. Галина Дмитриевна. Проживала по адресу: Соляная, дом сорок семь, квартира шестнадцать, – добавила Костромская, опередив мой следующий вопрос.

– А кто, по-вашему, мог передать вам деньги? У вас общие знакомые с ней есть?

– Есть. Ромашкина Лариса Петровна. Мы втроем дружили всегда. Я и через нее пыталась Галину найти. Но она тоже о ней ничего толком не знает.

– Адрес, телефон дать можете?

– Волжская, дом пятнадцать. Квартира два. А телефон надо вот тут... – И она полезла в сумку. – У меня все телефоны в блокнотик записаны.

Надо же! В блокнотик. Нет чтобы в сотовый забить. Хотя такой анахронизм, возможно, дополняет наш прогрессивный двадцать первый век. Скоро подобного, наверное, вообще не будет.

– Вот, – водрузив на переносицу старомодные очки в толстой оправе, ткнула она пальцем в нужную строчку, – записывайте. Или вы опять все запомните, как и про всех остальных?! – с восхищением посмотрела она на меня.

– Запомню, – не без гордости за себя утвердительно кивнула я. – У меня память хорошая.

Анастасия Валентиновна, как мне показалось, на этот раз отнеслась ко мне с некоторым подозрением, но номер продиктовала:

– Не представляю, как это вы так?

– Это профессиональное, – снова без ложной скромности одарила я ее улыбкой. – Конечно, сразу несколько длинных номеров сотовых телефонов я не запомню, – поспешила я ее успокоить на свой счет. – А вот домашние телефоны, адреса, имена, фамилии – это запросто! Что ж, Анастасия Валентиновна, на этом пока будем прощаться. Вы, если что, звоните мне. Вот тут еще мой сотовый, – и я протянула ей свою визитку. – Дома вы меня теперь с трудом застанете. И оставьте мне номер вашего контактного телефона и точный адрес.

– Какого телефона? – не поняла она.

– Того, по которому могу с вами связываться, если у меня возникнут к вам дополнительные вопросы.

– А-а, домашний! Пятьсот пять, семьсот тридцать девять, – без запинки отрапортовала она.

– А сотовый у вас есть?

– В принципе, есть, мне Аркаша на день рождения подарил, только вот я им не пользуюсь. А зачем? Из дома не так часто выхожу, разве что в магазин, да иногда вот к Александру Степановичу. Сейчас, конечно, буду чаще у него бывать. Сына больше нет, а Саше усиленный уход нужен. Вы на всякий случай и его телефон запиши... запомните, – этот номер она продиктовала, не обращаясь за помощью к блокноту.

– А что же, он там совсем один живет? В таком состоянии.

– Нет, иногда соседка помогает, чаще я. Раньше-то он сам себя обслуживал, а теперь вот слег совсем. Рак, сами понимаете. Может, даже придется к нему переселиться. Не бросать же человека. Один он сейчас не справится.

Я утвердительно кивнула.

* * *

Когда Анастасия Валентиновна удалилась, я облегченно вздохнула и схватилась за сигарету. Теперь она не показалась такой вкусной. Моя новая клиентка – просто кладезь сплошных кошмаров! Сын погиб в расцвете лет, любимый мужчина неизлечимо болен, а лучшая подруга устроила кидняк на доверии... извините, жестоко подставила... обманула. Надо. Обязательно надо помочь бедной женщине.

И с чего же, а вернее, с кого я начну свое очередное расследование? Начну, пожалуй, с лучшего друга Аркадия – Алексея Спесивцева, который работает на мебельной фабрике грузчиком, «проверенный со школьной парты», нет – «скамьи» и «немного попивает». Порой друзья знают о тебе гораздо больше, чем ты знаешь о себе сам.

Я взглянула на часы, времени было вполне достаточно, чтобы застать Алексея на работе. Незамедлительно собралась и, покручивая на пальчике автомобильные ключи, выпорхнула на улицу.

Больших заторов еще не было, и я быстро добралась до нужного здания. При старинной мебельной фабрике имени купца Ефремова находился мебельный же магазин вполне современного вида, и я поспешила именно туда, надеясь, что уже там смогу получить нужную информацию о местонахождении Спесивцева.

* * *

Не успела я дойти до середины выставочного зала, как ко мне буквально подбежала юная девушка в униформе с бейджиком на груди, где было указано, что она – менеджер Екатерина Самсонова, и стала спрашивать, чем интересуюсь я.

Вот, извините, за отступление от темы, но возмущает меня такое отношение к нашему великому русскому языку. Ну почему менеджер, а не просто продавец? Почему мерчендайзер, а не помощник товароведа? Откуда взялись у нас в России спичрайтеры, провайдеры, да и те же бейджики?! У нас что, слишком скудный язык? Или мы хотим таким образом повысить свой уровень развития в глазах мировой общественности? Мы хотим отвергнуть известные строки Блока: «Да, скифы – мы, да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами!»? Мы хотим заявить о себе как о европейцах? На мой же взгляд, начинать такие заявления нужно совсем не с этого. Да и нужно ли вообще, имея свою собственную грандиозную историю и культуру? Правда, о нашей культуре, в последнее время особенно, я бы, конечно, поспорила. В ней уже давно возник дикий дефицит.

Так о чем это я? Да! Глядя на Катю Самсонову, я сразу подумала о том, что Аркадий Костромской тоже, возможно, был обычным продавцом в торговом зале, а не менеджером фабрики имени купца Ефремова. А потому сразу и спросила ее:

– Скажите, Катя, вы были знакомы с Аркадием Николаевичем Костромским?

Самсонова тихо охнула, приложила лапку к сердцу и часто закивала:

– Да-да, была. Мы все тут с ним знакомы были. Такой ужас! Такое несчастье. А вы ему?.. – И в ее больших серых глазах застыл немой вопрос.

Я пока не собиралась отчитываться перед юной любопытной особой, кем являюсь для Аркадия, а потому продолжила:

– А Алексей Спесивцев вам тоже знаком? Друг его, кажется?

– А, этот, – довольно пренебрежительно дернула она пухленьким плечиком. – Да, грузчик он тут у нас.

– Именно грузчик. Возможно его найти, Катенька? Прямо сейчас.

– А, минуточку, – не задавая больше лишних вопросов, кивнула она и направилась к столу администратора. Там она недолго поговорила с грузной женщиной в очках и сделала мне пригласительный жест.

Я подошла, поздоровалась и еще раз повторила свою просьбу, но уже женщине-администратору. Бейджик... нет, по-русски – бирка на ее пышной груди гласила о том, что зовут ее Виола Андреевна Коняхина.

– А у вас какие-то проблемы с доставкой мебели? – просияла она, обнажив ряд крупных искусственных зубов.

– Да так, буквально мелочи, шурупчик один затерялся, – соврала я на ходу и тут же пожалела об этом.

– Тогда вам надо обратиться в отдел комплектации, – все так же лучезарно улыбаясь, ответила Виола Андреевна. – Видимо, недокомплект. Это бывает иногда. Но очень редко!

Мне совсем пока не хотелось заявлять о себе как о частном детективе. Порой люди, узнав, кто я, сразу становятся замкнутыми и подозрительными, боятся болтнуть лишнего, и я постаралась выкрутиться из создавшейся ситуации:

– Нет, комплектация в порядке, просто ваш грузчик куда-то положил пакетик с винтиками, он даже предупредил меня, а я забыла. У меня сейчас дома такая неразбериха! Но я помню, что его зовут Алексеем. Так я могу его увидеть?

– Поняла, – кивнула Виола Андреевна и сняла трубку телефона внутренней связи. – Спесивцев сейчас на месте? – властным тоном спросила она у кого-то. – Пусть немедленно явится в зал. – И, снова широко улыбаясь, попросила меня минуточку подождать.

– Большое спасибо, – одарила и я ее улыбкой. – Мне в ваш замечательный магазин посоветовал обратиться Костромской Аркаша. Мы с ним соседи. Были, – сделала я ударение на последнем слове.

– Да-а, да-а, – печально покачала головой администратор, – хороший был парень. Вежливый, исполнительный. Такой вот кошмар приключился с ним. Надо же!

– Да, мы все к нему хорошо относились, весь коллектив, – добавила Катерина.

– А он в последнее время не был какой-нибудь странный, задумчивый? – плавно перешла я к профессиональным вопросам, решив, что усыпила бдительность женщин.

– Вроде нет, – пожала плечиками Катя.

– Да нет, – вторила ей Виола Андреевна, – хотя... разве что допустил пару незначительных ошибок при оформлении продаж, но это так, от рассеянности, наверное. Хотя раньше с ним такого не случалось.

– Вот-вот, я тоже замечала за ним в последние дни рассеянность, – поторопилась я подхватить тему. – Пройдет, не поздоровается или просто не заметит. Может, на работе уставал?

– Ну-у, не знаю, – протянула Виола Андреевна. – Работа не такая уж и тяжелая у него была, не министр все-таки. Просто продавец. Менеджер, – поправила она, – конечно, надо внимательно бумаги заполнять, с покупателями правильно общаться, но он к тому же в отпуске недавно побывал.

– Да, хоть напоследок красиво время провел, – добавила, сокрушенно вздохнув, Катюша.

– Правда? А я про отпуск его и не знала, – вставила я, немного удивляясь, что Анастасия Валентиновна мне об этом ничего не сообщила. – И где же он его провел?

– На турбазу ездил. В «Волжскую даль», – пояснила та же Катюша. – Он рыбалку очень любил.

– Понятно, – кивнула я, хотя и не была согласна с тем, что красиво, как выразилась Катерина, можно провести время на рыбалке. Ну, у каждого свои причуды. Но «Волжская даль» не самая плохая турбаза. Возможно, и лучшая в Тарасове. Разбег цен от высоких до умеренных. Приличное питание, чистый пляж, аквапарк имеется, бани, сауны и прочие удовольствия. Туда

не только тарасовцы, но и из разных городов России люди едут отдыхать, и столичные гости нередки. Ее теперь, кажется, пансионатом или домом отдыха называют.

В этот момент я заметила, что слегка вразвалочку к нам приближается темноволосый крепкий парень в синей спецовке. Я сделала вид, что узнала его, и, еще раз поблагодарив Виолу и Катерину, двинулась ему навстречу. Даже рукой помахала, как доброму приятелю.

– Привет, Леша! Поговорить надо, – начала я уверенно, не дав парню опомниться, и повлекла его в глубь зала.

Он покорно шел за мной, несколько недоумевая. От него пахло перегаром. Мы остановились возле ряда пышных диванов, где не наблюдалось ни одного потенциального покупателя.

– Вы кто? – первым задал он резонный вопрос, манерно пожеывая спичку.

Для него у меня уже была заготовлена своя версия:

– Я давняя знакомая Аркаши Костромского. Зовут Татьяной. Я...

– Так ты и есть частный детектив? – огорошил он меня. – И че надо?

Твою мать! Ой, простите. Ну, надо же, как говорлива оказалась Анастасия Валентиновна, где не надо. Интересно, она уже всех успела оповестить обо мне? Даже тех, кого сама подозревает? Да и я хороша, не предупредила ее, что надо помалкивать. Это достаточно портило мою изначальную тактику поведения. Что ж, придется играть в открытую.

– Ладно, если ты в курсе, то лукавить не стану. Надо поговорить об Аркадии. Когда и где тебе удобно? – спросила я, игнорируя его откровенное пренебрежение к моей особе.

– А это надолго? – довольно развязно прогнусавил он.

– Как пойдет.

– Тогда лучше после работы. В семь я выхожу отсюда. Жди на улице, – как заправский начальник, продиктовал он мне свои условия.

– Годится, – согласилась я. – Только не трепись обо мне тут, – скосила я глаза в сторону администраторского столика. Виола и Катерина внимательно наблюдали за нами. – Я сказала, что ты мне мебель привозил.

– Понял, – лаконично отрезал он и пошел прочь к служебному входу.

* * *

Осмотревшись на улице, я заметила как раз напротив фабрики кафешку под сомнительным названием «Эквилибрист» и решила посидеть пока там, чего зря «мишель» гонять. Все равно никуда уже не успею. Время приближалось к часу пик. Интерьерчик в кафе был довольно скуден, лишь простенькие бумажные салфетки на столах заявляли о том, что это уже роскошь. Посетителей тут совсем не было. Я выбрала столик возле самого окна, из которого отлично просматривались оба выхода мебельной фабрики: служебный через проходную и магазинный. Заказав подошедшей официантке чашку эспresso, я набрала номер Костромской. Она ответила довольно быстро, словно сидела у телефона и ждала моего звонка.

– Анастасия Валентиновна, Татьяна беспокоит, – серьезным тоном начала я.

– Татьяна Александровна? Вы что-то уже узнали? – практически насмешила она меня.

– Да, – резко ответила я, сдерживая раздражение. – Я узнала, что вы уже успели сообщить о нашем с вами договоре Алексею Спесивцеву. Скажите, кому еще вы удосужились об этом доложить?

– Ой, а что? Нельзя было? – испуганно пробормотала она. – Но я только ему и Лидочке. Больше никому. Да и было это еще до нашей с вами встречи. Просто советовалась с ними.

– Так, Анастасия Валентиновна, давайте уж больше никому! И вашу Лидочку Москвину предупредите, чтобы не болтала лишнего. Это может помешать моей работе. Понимаете?

– Конечно-конечно, простите меня, неразумную, Танечка.

– А почему вы мне не сказали про недавний отпуск Аркадия? Он ведь ездил в «Волжскую даль», как я поняла? – пропустила я мимо ушей ее извинения.

– Да, верно, но я не подумала, что это может быть для вас важно. Да и был-то он там всего десять дней. Как раз с первого по десятое сентября. А это важно?

– Я же сказала вам еще в начале нашего разговора, что мне нужны все значительные и незначительные детали, касающиеся жизни вашего сына. Особенно те, которые вы замечали в последнее время. Вот сейчас на фабрике, где он работал, я узнала, что Аркадий стал немного рассеянным. Вы замечали за ним нечто подобное в домашней обстановке?

Костромская на минуту задумалась, я слышала только сопение в трубке, а потом выдала:

– Я бы сказала, он стал несколько раздражительным. Но я... я не придавала тогда этому значения. Только вот теперь, когда вы спросили... Да, раздражительным.

– И в чем это проявлялось? – заинтересовалась я, принимая от официантки сомнительно пахнущий напиток. – Это эспрессо?! – удивленно посмотрела я в чашку, а потом на нее.

Она утвердительно кивнула. Спорить мне было некогда, поскольку в трубке прозвучал вопрос:

– Какой эспресс?

– Это я не вам, простите. Так в чем?

– Ну-у, невежливым Аркаша каким-то стал, огрызался на меня, – неуверенно повествовала Костромская.

– Он чем-то мотивировал свое поведение? – продолжала я свой «допрос», отхлебывая натуральное пойло.

– Не знаю даже. Как-то раз сказал, что надоело, мол, вкалывать за копейки, хочется нормальной жизни, где всего и на все будет хватать. Меня, честно сказать, это удивило. Да, мы никогда особо не шикавали с ним, особенно когда я с этим кредитом вляпалась, но и претензий к жизни у нас с ним раньше особых не возникало.

– Этот разговор случился после его отпуска?

– Да, после. Где-то через пару дней. Я еще подумала тогда, что праздная жизнь всегда человека в зависть и грех вгоняет.

– Возможно, – кивнула я сама себе и отставила подальше поданный напиток. – Ладно, Анастасия Валентиновна, если что еще вспомните, обязательно звоните. Любую мелочь!

– Хорошо, обязательно, Татьяна Александровна. А вы, если что, звоните на номер к Александру Степановичу. Я сейчас к нему поеду.

– А может, вы все-таки активизируете свой сотовый телефон? – с надеждой в голосе попросила я.

– Что?

– Ладно, до свидания, – мысленно махнула я рукой и отключила связь.

* * *

Закурив сигарету, я стала прикидывать, успею ли после общения со Спесивцевым заехать к кому-либо еще из «подозреваемых», и к кому сначала? Некоторым образом меня все-таки интересовала личность Марины Каравайцевой с «агрессивным характером» и личным автомобилем белого цвета, но неизвестной мне пока марки. Кроме того, часам к восьми вечера нужно обязательно заехать во двор к Костромской и порасспросить его жителей про автонаезд. Может, что и откроется. По квартирам пройдуся. Благо прокурорские корочки дают мне такую возможность.

Я глянула на часы, время близилось к семи. Минут через пятнадцать должен выйти Алексей. Но тут же увидела, что он уже выходит. Через проходную фабрики. Одет он был в серую матерчатую куртку и черную трикотажную шапочку, надвинутую на брови. Я его даже не сразу

узнала. Повертев головой по сторонам, Спесивцев быстрым шагом направился вдоль улицы. Швырнув на столик сотню за почти нетронутый мною напиток, что звался тут «эспрессо», – я посчитала это более чем достаточным, – выбежала из «Эквилибриста» и поспешила за удаляющимся Алексеем. Он явно не желал со мной встречи, судя по тому, что шел довольно стремительно. Да и покинул рабочее место раньше условленного со мной времени.

Между тем Спесивцев резко завернул в гастроном и скрылся из вида. Я прибавила ходу и вошла за ним. Он уже стоял в небольшой очереди в кассу, держа в руке пластиковую бутылку дешевого пива.

Завидев мое приближение, он коротко кивнул, давая, наверное, тем самым понять, что скоро освободится. Я же с выжидательным видом остановилась у выхода. Через несколько минут мы уже вместе выходили из гастронома.

– Ты что это от меня бегаешь? – спросила я, как только мы оказались на улице.

Алексей молча достал из кармана куртки сотовый телефон, посмотрел на него и протянул мне:

– Без семи семь.

– И что?

– А мы договаривались на семь ровно, – отрезал он. – Я спецом пораньше вышел, чтобы горло успеть промочить.

При этих словах он отвинтил крышку с бутылки, швырнул ее на асфальт и жадно припал к горлышку. Достаточно отпив пахучее содержимое, смачно рыгнул и продолжил:

– Я бы ща вернулся бы туда. Подождал бы. Так че ты хотела? – и он снова прилип к бутылке, делая крупные звучные глотки.

– Поговорить о твоём друге, – повторила я. – Пойдем в кафе посидим или в машину ко мне?

Теперь Спесивцев как-то странно стал озиаться по сторонам:

– Нет, давай лучше в машине, – изрек он и опять рыгнул.

– Ладно, пошли, – согласилась я, предчувствуя, чем вскоре будет благоухать салон «мишеля». На время она точно превратится в мальчика.

Мы молча дошли до моего «Ситроена», припаркованного неподалеку от фабрики. Я щелкнула пультом, разблокировав двери, и, снова повертев головой по сторонам, Алексей нырнул на переднее сиденье. Пиво, к сожалению, он допить не успел. Кошмар! Кроме этого, меня щемил второй вопрос: почему он так нервничает? Кого постоянно высматривает?

– Ну? – спросил он, не глядя в мою сторону, когда я примостилась рядом, и сделал еще несколько глотков вонючей жидкости.

– Скажи, Алексей, как ты оцениваешь своего погибшего друга? Я имею в виду как человека. Его характер? Поступки? Особенно каким он был в последние дни перед смертью? – не мешкая, приступила я к опросу косвенного свидетеля.

Хочу предупредить читателя заранее, за все описанное ниже я ответственности не несу. Именно так и разговаривал Спесивцев.

– Какой-какой? Нормальный. Нормальный был мужик. Че еще сказать? Учились в школе вместе. Дружили. Не ссорились. Понимали друг друга. Эх, да чего там! Жалко его. Да и себя жалко. Без классного друга остался, – несколько опьянев, заностальгировал Спесивцев и, допив пиво, смял рукой пластиковую бутылку. Это у него вышло так, словно скомкал газету. – Я закурю?

– Кури, – разрешила я и тут же пожалела об этом.

Алексей достал пачку «Примы». Уронив одну сигарету себе под ноги, чертыхнулся, выковырял вторую и, прилепив ее к губе, сделал жест, требующий от меня зажигалку.

Я выполнила его молчаливую просьбу и поторопилась до конца опустить оба стекла «мишеля». Прохладный сырой воздух, влившийся в салон, с трудом нейтрализовывал вонь

дрянной сигареты. Но что поделаешь, в моей профессии и не такое порой приходится терпеть, чтобы расположить к себе человека.

Спесивцев повел себя странно. Он тут же высунулся из окна, огляделся вокруг и вернулся в исходное положение.

– Кого это ты все время высматриваешь, Леша? – не выдержала. – Боишься, что ли, кого?

– А, да нет. Так.

– Что так? В чем дело-то?

– Да так... – замялся он и сделал глубокую затяжку.

– И все же? – продолжала я настаивать.

– А у меня баба здесь работает. Тут, на фабрике. Заревнует еще, если с тобой засечет, – неуверенно ответил Спесивцев и наигранно загоготал. При этом поперхнулся едким дымом и закашлялся. Брызги его слюны попали на лобовое стекло.

– Так, ладно, проехали, – сказала я, подавляя в себе нарастающее чувство гадливости. – А что ты можешь сказать о бабах Аркадия? К примеру, о Марине Каравайцевой? Ты ее знаешь?

– Да все они – б...ди, че еще про них скажешь. И эта – тоже. Такая тварь, поискать еще! Она Аркашке столько крови попила, мама не горюй, – охотно стал рассказывать он, не стесняясь в выражениях. – Познакомились они здесь, – кивнул он в сторону мебельного магазина. – Пришла она кровать выбирать. Он перед ней и так, и эдак, а ее ничего не устраивает. Говорит, что не знала, что тут, типа, таким дерьмом торгуют. Надо, мол, импортное что-нибудь. Дорогое. Аркашка мне в тот день сам все это рассказывал. Короче, обалдел он от нее, от такой цацы, самому красивой жизни захотелось. Повелю, короче, парня не в ту степь. Я ему говорю, мол, она те не по челюстям, зубы обломаешь, а он чуть не на спор. Эта сучка у нас все-таки пуфик какой-то купила. С доставкой заказала. Так он ее адрес и узнал, так вот и закрутилось у них. Он мужик-то видный был, не чета мне – лоху колхозному, – самокритично подметил Алексей, выкидывая в окно свою искуренную «Приму». – Ну, встречаться стали, то да се, клубы ночные, рестораны дорогие, подарки. Да не простые, а золотые! То цепочку подари, то браслетку. Сука, в общем. А он, дурак, все бабки на нее тратил, кровно заработанные. Как-то на очередную ее заморочку отказ выписал, мол, денег нет, а она, типа, работать надо больше. И не в этом сраном магазине, а где-нибудь получше. Учиться, мол, иди заочно в институт. А какой ему институт, когда у него мамаша-пенсионерка в какой-то кредит влезла, да еще и не в свой! Да и батя давно помер. Короче, с баблом туго ваще, – все больше распалялся Алексей и снова полез за «Примой».

– Может, с фильтром? – не выдержала я, протягивая ему свои «Мальборо».

– Сойдет, – к счастью, согласился он и, снова прикурив от моей зажигалки, продолжил: – Ну, короче, разругались они, она его послала, а он закручинился.

– А разве не он ее послал? – заговорила я его же стилем.

– Ты че?! Он за ней еще месяц бегал, а она ни в какую. Гадина ненасытная! Я тогда ваще за него переживал, думал, руки на себя наложит. Говорю, найди нормальную бабу! Тебе это – два пальца об асфальт. А он присох к этой, как придурок. Хорошо хоть на похороны пришла к нему. Это я ей сказал. А так бы и не узнала ни хрена. Букет роз приперла и ушла сразу. На кладбище не поехала.

– А машина у нее есть? – уже не особо интересуясь личностью Марины Каравайцевой, спросила я.

– Есть. Я, кстати, когда она пуфик с доставкой заказала, прям охренел! У самой тачка под ж... а она доставку просит. Это все от понтов ее великих!

– А вдруг ей Аркадий очень понравился, и она специально так сделала? Если захочет, найдет ее по адресу, а навязываться напрямую Марина не решилась, – рискнула предположить я.

Спесивцев некоторое время переваривал услышанное, а затем хмыкнул:

– Ха! А правда! Вполне. Я как-то не подумал о таком. Вот говорю же, что все бабы б...! М-да, точно. Эх, жаль, Аркашка тогда тоже не додумался до этого. Решил, что сам на нее охоту устроил. Ну ты даешь, подруга! И правда детектив. – Он впервые за то время, что сидел в машине, посмотрел мне в глаза. С уважением.

– Какая марка тачки у нее? – с достоинством выдержала я его пьяный взгляд.

– Ай, «девятка» обычная. А понтов, как на «мерсе».

– А у тебя? – как бы между прочим спросила я. – Надеюсь, как раз «Мерседес».

– У меня тоже наша, «четырнадцатая» модель, – без особой гордости ответил Алексей, уронил на себя пепел сигареты, но не придал тому значения.

Я сделала вид, что тоже не обратила на это внимания, и спросила его о Маргарите Постниковой.

– А, эта! Так это вообще дура набитая!

– Почему?

– Как почему? – искренне удивился Алексей. – Притащила его жить к себе, а там такая же дура, мамочка ее. Аркашка целых два года этой пытки выдержал. Но когда Ритка заявила ему, что беременна и хочет рожать, его терпение лопнуло. Он тогда ко мне пришел сам не свой, за голову держится. Что, мол, делать-то, говорит? А я ему сразу так: «Да беги ты оттуда, пока эти бабы тебя не угробили совсем! С чего ты вообще взял, что ребенок от тебя?» Он за эту мою идею как за спасительную соломинку ухватился. Может, и правда, говорит, не признавать ребенка? Мне и мать так советует. А я про че талдычу? – говорю! Так вот друга и спас, можно сказать. А Ритка так обиделась, что даже на алименты подавать не стала. А скорее всего, девчонка как есть не от Аркашки. Она девку родила. Представляю себе, как бы он жил в этом бабьем царстве. С ума сойдешь! В общем, вовремя ноги сделал.

– Так, ясно. А как обстояли дела с Лидией Москвиной?

– Да с этой-то все более-менее. Только скучно ему с ней, конечно, было. Медсестра в больничке, где его мамаша работала. Она их и познакомила. Зато Лидка без царских запросов. Максимум – в кино на «Аватара».

– У него с ней были доверительные отношения?

– Это в смысле трахались?

– В смысле духовного общения. Аркадий мог ей доверять какие-нибудь секреты, тайны? – пояснила я.

– А-а, в этом смысле, – усмехнулся он, немного конфузясь. – Это вряд ли. Он в основном все тайны только мне доверял. Мы ведь с детства с ним друзья были. Помню вот, вышли со школы... А нет, сбежали тогда с физики. Да. На задний двор пошли курить и помозговать, куда дальше двинем. И тут Аркашка прям у себя из-под ног кошелек подбирает! Смотрим содержимое, там денег достаточно. «Во пруха! – говорю. – Давай махнем в «Ледок», пивка там, курица купим, закутим, одним словом». А он какую-то визитку оттуда вынул, почитал: «Не, – говорит, – давай лучше вернем хозяйке. Тут адрес есть и телефон». Дурак, что ль? Еле уболтал не относить. Эх, покутили тогда на славу! Но договорились: никому ни слова. С тех пор так и пошло – доверие друг другу полное.

– Замечательно. Тогда скажи, Алексей, в последнее время он доверил тебе что-то, что, по-твоему, могло угрожать его жизни? – прямо в лоб спросила я. – Есть ли у тебя какие-нибудь подозрения, что с Аркадием произошел не просто несчастный случай?

При этом вопросе Спесивцев явно занервничал, снова выглянул в окно, покрутил головой, оглядывая опустевшую улицу, смачно сплюнул, сделал последнюю затяжку, бросил сигарету и как-то быстро и фальшиво залепетал, почти скороговоркой:

– Ниче, ваще ниче. Ничего не доверял. Я ничего не знаю. И даже не предполагаю. Понятия не имею ни о чем. Ладно, пошел я. А то баба моя беспокоиться начнет, – и он стал шарить по дверке, пытаясь нащупать ручку.

– Да погоди, – остановила я его. – Давай подвезу. Так быстрее будет.

– Не, не надо. Да и пивка еще возьму. Извини, перебрали вчера с ребятами. Все, пока, – наконец открыл он дверцу и буквально пулей выскочил из «мишеля».

М-да, врать господин Спесивцев не умеет. Явно что-то скрывает. Ничего, придет время, дождем, думала я, глядя ему вслед. Он шел быстро, но неровно, сказывалось действие полутора литров пива, политых на старые дрожжи.

* * *

Время уже близилось к восьми, и я, так и не подняв стекол окон, включила стартер. Неси меня, мой верный конь, во двор погибшего Аркадия Костромского. Попытаем теперь счастья именно там.

Поток машин заметно поредел, а потому я стояла порой не в пробках, а в небольших заторах. Вот ведь когда коммунисты строили эти узкие дороги в нашем городе, они и предположить не могли, что благосостояние граждан Тарасова так немисливо возрастет. Раньше-то ездили по городу четыре «Волги ГАЗ-21», с пяток «Побед» да пара «Москвичей». И то были они с правительственными номерами и возили только высоких чиновников. А теперь чуть ли не в каждой семье личное авто, а то и два! Все течет, все меняется.

И пока я медленно продвигалась к назначенной цели, мысленно анализировала наш разговор с Алексеем Спесивцевым.

Типчик, конечно, еще тот. Беспринципный, пьющий, любит задавать тон окружающим, никем не являясь в этой жизни. У Спесивцева все вокруг дебилы, идиоты и сволочи. Только он самый умный. Для него существуют два мнения: одно – его, другое – неправильное. А вот Аркадий Костромской, наоборот, личность нерешительная, попал под полное влияние своего друга. Не посоветовавшись с ним, как я поняла, шагу не ступал. Хотя чаще всего, если мы спрашиваем чьего-то совета и поступаем так, как нам подсказали, значит, в душе мы именно так и хотели поступить. Потому Аркадий так сразу и соглашался взять чужой кошелек или бросить беременную женщину. Сначала в нем начинал шептать голос совести, но при определенной поддержке шепот быстро затихал, и наружу вылезала темная сущность. Ожесточенной борьбы между честью и бесчестьем не происходило. Вот так, мало-помалу, опрашивая людей, которые тесно были связаны с интересующим тебя объектом, узнаешь о нем много разного. Порой такие опросы очень помогают в следствии. Начинает казаться, что ты и сам объекта хорошо знал, и тебе не составляет особого труда почувствовать, что заставило его затянуть себе петлю на шею, то есть вляпаться в какое-то дерьмо, или почему оборвалась его жизнь, поскольку эту жизнь ты уже тщательно изучил снаружи. Надо только приложить знания психологии и не лениться постоянно анализировать ситуацию.

Вот и сейчас совершенно понятно: Алексей Спесивцев, к гадалке не ходи, что-то знает. Знает и боится говорить. Почему? Боится попасть под подозрение в убийстве друга? Или за соучастие в нем? Или что-то еще? Судить, разумеется, рано, но в покое я его не оставлю! Чует мое каменное сердце ишейки, он пока подозреваемый номер один. Во всяком случае, косвенное отношение к делу он имеет. Теперь я практически не сомневалась, что тут не просто несчастный случай. Вы удивитесь на этот счет? Не стоит. Доверьтесь моему профессиональному чутью.

* * *

Во дворе, где жил и погиб Аркадий Костромской, и впрямь было очень темно и никого народу. Лампочки имелись только под козырьками подъездов, и то светили довольно тускло. Во многих окнах пятиэтажки, несмотря на не такое уж и позднее время, света вообще не было.

Старый дом, старые жильцы. Рано ложатся спать. Этот двор плавно переходил в другой, загигбаясь буквой «Г». Там уже была кардинально иная картина. Девятиэтажный дом, где обитала Мальвина Васильевна, ну та, что посоветовала Костромской обратиться именно ко мне, жил другой жизнью. Все окна горели, перед подъездами клумбы еще не умерших осенних цветов, освещение двора отменное и ровный асфальт, по которому гуляли несколько «собачников».

Я припарковалась возле какого-то сарайчика, напротив арки. Как раз той, в которую последний раз в жизни 14 сентября сего года вошел Аркадий Николаевич Костромской тридцати двух лет от роду. А вот возле этого первого подъезда он по неизвестным причинам был сбит неизвестным лицом, управляющим неизвестным автомобилем. Не слишком ли много в этом уравнении неизвестных? Попробуем сегодня уменьшить их число.

Выйдя из «мишеля», я направилась к первому подъезду, чтобы лучше сориентироваться на местности. В этот момент из арки медленно выполз темный автомобиль и двинулся вдоль пятиэтажки. Я прижалась к бордюру, дав свободный проезд, и только глядя ему вслед, определила, что это автомобиль марки «Тойота Авенсис». Но разглядеть это было возможно лишь благодаря подсветке его же собственных задних фар. А вот цвет, увы, оставался загадкой. Может, синяя, может, зеленая, может, серо-буро-малиновая. А еще я представила: если вовремя не отскочить с дороги, а машина поедет на приличной скорости, то вполне вероятно... Нет, прочь сомнения. Вперед на поиски истины!

Взойдя по единственной полуразвалившейся ступеньке первого подъезда, я остановилась возле железной двери с примитивным кодом доступа в дом. Это два ряда по пять кнопок, из которых надо выбрать только три волшебные и нажать их одновременно. Такая операция не особо сложна, если внимательно присмотреться к самим кнопкам. Те, что сидят глубже остальных и темнее по цвету, и есть нужные. Со второй попытки у меня все получилось, и я, прилагая достаточно усилий, потянула на себя тяжелую дверь.

В подъезде стандартной хрущевки, как и подобает, резко воняло кошачьей мочой и чувствовался смешанный запах «коллективного» ужина. Не удивляли и надписи на облупившейся голубой краске стен. Где мелом, где маркером, а где и просто гвоздем были означены мужские и женские имена с соответствующими к ним комментариями. Почитав такие сообщения, можно почерпнуть много сведений об обитателях данного жилища.

Я приблизилась к квартире под номером один и смело нажала на звонок. Но его я не услышала. «Тогда я позвонила еще раз» – так, кажется, говорила сова из Винни-Пуха, но снова ни малейшего звука. Пришлось постучать по деревянному косяку двери, поскольку сама дверь была обита дерматином. К своему удивлению, я услышала шаги и скрежет отпираемого замка. Дверь немного приоткрылась, подстрахованная металлической цепочкой, и на меня вопросительно и чуть испуганно посмотрела совершенно древняя бабка, похожая на сказочную Ягу.

– Добрый вечер, – лучезарно улыбнулась я. – Извините за позднее вторжение...

– Чавой? – поразительно громко выкрикнула бабка и тут же захлопнула дверь.

Я немного подождала дальнейшего развития событий, надеясь, что бабка скинет цепочку и впустит непрошеную гостью, но далее ничего не последовало.

– Понятно, – вслух сказала я и позвонила в квартиру номер три.

Всегда пытаюсь найти краткие пути к достижению цели. Потому и проигнорировала пока вторую, так как окна ее выходили на улицу, а не во двор. Здесь меня тоже ожидало фиаско. Никто не открыл. Но зато вторая квартира отреагировала незамедлительно. В открывшемся проеме двери возникла фигура мужеподобной женщины с короткими седыми волосами, одетой в спортивный костюм ярко-красного цвета. Ростом она была выше меня на голову.

– И чего тут ходим? – пробасила она, обращаясь ко мне, и сплела руки кренделем на своей широкой груди. – Кого ищем?

– Здравствуйте, – мило улыбнулась я, демонстрируя свое дружелюбие. – Я хочу найти свидетелей несчастного случая, который произошел в вашем дворе месяц назад. Молодого мужчину сбила насмерть машина. Скажите, вам что-нибудь известно об этом?

– Известно, – тем же басом отозвалась «спортсменка». – Молодого мужчину сбила насмерть машина.

Я поняла, что она явно пытается мне хамить. Но хамить с юмором. А мне импонируют люди с этим редким даром. И я приняла ее игру.

– Надо же, кошмар какой, – сокрушенно покачала я головой. – А вы, часом, самого происшествия не наблюдали?

– самого происшествия не наблюдала, а вот сам труп видела.

– Ну и как он вам показался? – не унималась я.

– Ничего, симпатичный, – ответила она таким же невозмутимым тоном.

– Вы его знали?

– Труп-то? Да. Знала. Аркашка из тридцать пятой квартиры.

– А насколько хорошо вы его знали? – спросила я, умиляясь общению с этой женщиной.

– Ну, в особой близости мы с ним не состояли. По причине его молодости, – с ходу выдала она. – А так здоровались иногда. Только все свои познания на этот счет я вашему ведомству уже отдала. Чего вдруг снова?

– То есть никого не видели, ничего не слышали? – проигнорировала я ее вопрос.

– Да я много чего в жизни повидала и наслушалась не меньше. Только в этом случае ничем не могу помочь.

– Что ж, и на том, как говорится, спасибо. Еще вопрос: в третьей квартире кто проживает?

– Проживают – мягко сказано. Прожигают. Прожигают жизнь омерзительные квартирантки лет сорока на двоих. «Песни, резвость всякий час», – процитировала она Крылова. – Так, что голову разрывает от их проживания. Студентки, мать вашу. Вот таких гениальных детишек выпускают наши вузы. Неудивительно, что в стране бардак, как, собственно, и в этой квартире. Устала гонять их. Ничего не бояться нахалки.

– А в данный момент вы их снова выгнали? – усмехнулась я, уже не выдерживая серьезного тона.

– Вообще выгнать надо в первую очередь Владимира Владимировича! – наконец повысила она голос.

– А он-то тут при чем?

– Да не ОН! А он, – «спортсменка» расцепила руки и ткнула толстым пальцем в дверь второй квартиры, – Борисов! Сдает квартиру всякой всячине, а мы, соседи, – терпи!

– А тут кто? – кивнула я на дверь «бабы-яги».

– Тут как раз все в порядке. Слепота, глухота, тишина. Ладно, у меня чай стынет.

И она так же внезапно исчезла, как и появилась. А мне только и оставалось продолжить опрос населения. Хотя от чая я бы сейчас тоже не отказалась. Поднимаясь на второй этаж в весьма приподнятом настроении, я запела вполголоса известную песню «Lady in red», что в переводе с английского, если кто не знает его, означает «Женщина в красном». И в этой песне, между прочим, не сказано, что на женщине надето – платье или спортивный костюм.

Позвонив в квартиру номер четыре, я еще продолжала мурлыкать себе под нос прицепившуюся мелодию. Крис де Бург, думаю, остался бы недовольным моим исполнением.

Из-за двери послышалось:

– Кто?

– Из прокуратуры, – солгала я и приготовилась достать корочки.

Дверь открыл прыщавый подросток лет шестнадцати в растянутой футболке с надписью «BATMAN» и соответствующим изображением летучей мыши. В отличие от героя известных комиксов, он был очень худым, бледным и бритым наголо. Юнец смачно откусил от крупного

яблока, манерно покрутил его в руке и смерил меня оценивающим взглядом, словно собирался спросить: «Почем?» Мне снова стало смешно, но я, нагнав на себя строгий вид, спросила:

– Взрослые дома есть?

– Н-н-ну, есть, – развязно прогнусавил он.

– Зови, – скомандовала я.

– А я не взрослый, что ль? – скривился он, дожевывая яблоко, и прислонился тощим плечиком к косяку двери.

– И умный, наверное? – подзадорила я его к агрессии.

– Поумней некоторых, – поддался он.

– Тогда рассказывай.

– Чего?

– Про то, как стал свидетелем страшного преступления в вашем дворе.

– Какого еще преступления? – начал закипать юнец, и щеки его моментально покрылись легким румянцем. Меня это забавляло.

– Мужика машиной сбили. Видел? Или сам за рулем был? – грозным голосом продолжала наступать я.

– А-а, этот, – не испугался мальчишка. – А че тут такого? Ну, сбили, ну, помер. Пьяный, сто пудов, был.

Вот оно – наше «педерастающее» поколение! Воспитанное на ужасах компьютерных игр, на «прелестных» блокбастерах и бесконечных вещаниях СМИ о самых страшных происшествиях, какие только можно вообразить. Как просто: «Че тут такого?» Вот если бы Аркадия распилили бензопилой! И лучше, если бы это сделали восставшие мертвецы, тогда можно на это обратить внимание. А здесь заключение одно – пьяный был. Неинтересно. Даже мизерного сочувствия не вызывает. А потом мы недоумеваем по поводу заостренности душ собственных детей. Удивляемся их черствости и даже жестокости. А откуда взяться другому, если они не знают, кто такой Айвенго или капитан Немо. Даже про Колобка, по-моему, не слышали. Все больше Лунтики какие-то и Телепузики. Ой, что-то я разворчалась, как будто уже стала той самой – убеленной сединами.

– Это твое собственное умозаключение? – спросила я, теряя к парню интерес.

– Да все так думают, – хмыкнул он и снова куснул фрукт.

В этот момент я услышала, как внизу хлопнула тяжелая железная дверь, и раздавшееся сразу после этого цоканье явно женских каблук. Каблочки цокали недолго, и их звук замер на первом этаже. Далее – звон ключей. Скорее всего, домой вернулась одна из студенток, что снимала квартиру у тетки нашего действующего президента.

– Так, с тобой, мальчик, мне все ясно. Спокойной ночи, – поспешила я распрощаться с «Бэтменом» и побежала вниз.

Подросла как раз к тому моменту, когда невысокая брюнетка лет двадцати с крысиным личиком в боевой раскраске справилась с замком квартиры номер три и собиралась войти внутрь. Мой стремительный спуск с лестницы заставил ее обратить на меня внимание.

– Подождите, девушка. Можно вас притормозить на пару минут? – обратилась я к ней, подойдя почти вплотную.

В ее карих глазах отразился некоторый испуг, а маленький, ярко-алый от жирной помады ротик приоткрылся.

– Вы не пугайтесь, я из прокуратуры, – поспешила я ее успокоить. Но это заявление, похоже, напугало ее еще больше.

Она прижала к себе свой белый лаковый ридикюль, попятилась назад и, зацепившись высоким каблуком замшевого сапога за порог, чуть не упала. Я вовремя успела ее схватить за локоть. Теперь мы уже находились в тесном коридоре квартиры.

– Это что, Алевтина Сергеевна все-таки нажаловалась? – пискнула студентка. Голос весьма соответствовал ее внешности. – Сколько можно-то?! Мы ничего противозаконного не делаем! – не разобравшись в причине моего вторжения, с ходу начала оправдываться она.

– Нет-нет, я по другому вопросу, – сделала я отрицательный жест рукой, сообразив, что Алевтина Сергеевна – это «женщина в красном» из второй квартиры.

– А-а, извините, – немного смутилась девушка. – А по какому тогда? – И тут же спохватилась: – А документы у вас есть?

– Да, пожалуйста, – вполне натурально удивилась я ее вопросу и, выудив из кармана куртки красные корочки, заученным жестом ткнула ими в ее крысиную мордочку, даже не раскрыв.

Это ее вполне удовлетворило, но испуг с лица так и не сходил. Скорее всего, у девочки какие-то нелады с законами, подумала я про себя, или с жизненными, или с юридическими.

– Ну хорошо, проходите, – сдалась она и сняла с себя коротенькую черную куртку. – Вот тут раздевайтесь, – кивнула она на коридорную вешалку и стала расстегивать сапоги.

Вообще-то в мои планы такой расклад не входил, но я решила воспользоваться гостеприимством студентки. В конце концов, может, и чашечка чая с конфеткой обломится. Я ведь уже часов семь как не жрамши... Простите, не емши, если не считать глотка того омерзительного кофейного напитка в «Эквилибристе». Да, порой я бываю ужасно наглой.

Так и случилось. Мы расположились за пластиковым столом в маленькой кухонке с выцветшими обоями, и Светлана – так она мне представилась – поставила передо мной большой китайский бокал с горячим чаем, вазочку, наполненную песочным печеньем, и банку с натуральным малиновым вареньем! За время закипания чайника, кроме имени девушки, я узнала, что она снимает эту квартиру на пару с подругой Ниной и учатся они обе на втором курсе юридической академии.

– Правда? Коллеги, стало быть, – улыбнулась я, отхлебывая чай. – Какое изумительное у вас варенье!

– Это моя мама делает. Из собственной малины, – похвалилась Светлана. – Она в селе Сторожовка живет. И я оттуда. Там, конечно, хорошо, но все-таки хотелось бы зацепиться в Тарасове. Возможностей тут, сами понимаете, гораздо больше.

– Да, конечно, – согласилась я, откусывая печенье и не торопясь задать свой единственный вопрос. – А где именно в Сторожовке? – спросила я лишь для того, чтобы потянуть время и насладиться чаем. – Когда-то давно я там бывала. По делам ездила.

Тут я не совсем соврала. Я действительно была в Сторожовке. Только не по делам. И не в самом селе. Еще в студенческие годы меня туда повез один однокурсник для сбора грибов. Ну и так... расслабиться. Дыра, конечно, знатная. Но не очень далеко от Тарасова. Километров тридцать. Лес там очень красив, а вот о перспективах для молодежи в прилегающем к нему селе можно и не мечтать. Разве что стать фермером или заготовителем тех же грибов. А их там просто тьма.

– Да прямо у здания администрации, – прервала мои воспоминания Светлана. – Там дом такой из белого кирпича под зеленой крышей. И двор у нас большой. Родители коз выращивают. Ангорской породы. А мама еще в администрации секретарем работает, – с гордостью добавила она.

Затем последовало описание местных красот.

– Замечательно. Но скажите мне, пожалуйста, Светочка, вы что-нибудь интересного можете сказать о трагическом случае, который произошел буквально под вашими окнами четырнадцатого октября примерно в девять часов вечера? – приступила я к делу, поскольку чаепитие подходило к концу.

– А, так вы по этому поводу?! – буквально обрадовалась Светлана. – А я-то все думаю, зачем? Честно сказать, поначалу решила, что вы Петькина жена.

Я вопросительно на нее поглядела, догадываясь, о чем речь. Вот потому-то так и перепугалась Светлана при нашей встрече в подъезде. Значит, нелады с законами жизни.

– Дело в том, что Петр женат. Мы уже год встречаемся, – подтвердила она мою догадку, пускаясь в откровения. – Все обещает развестись и жениться на мне. Только вот с законной женой у него проблемы, связанные с бизнесом. У них там что-то пополам или в долях, не знаю. Но денег до фига. Даже если располовинить имущество, то нам с ним хватит с лихвой. И неужели деньги – это главное в жизни человека? А как же любовь?

Вот они – девочки-лимитчицы. Хваткие, цепкие, решительные. Везде «грудью дорогу проложат себе», как писал Некрасов. Только не о них. Да и грудь у Светочки была не больше первого размера. Ничего, скоро закачает силикон, даст о себе знать жене Петра, написав ему пару ночных смс-сообщений о любви, и богатый мужичок у нее в кармане. А затем, если подвернется кто побогаче, бросит Петрушу и пойдет дальше с чувством полного достоинства. Надо же, а сначала она мне так понравилась, такая гостеприимная и хлебосольная девушка. Селянка. Родители коз ангорских выращивают. Варенье домашнее. Вот и Пети всякие на такую простоту и наивность быстро ведутся. Можно понять. Нет, мужиков я не оправдываю. Придурки еще те. Только хитрости в них меньше, чем в нас – в женщинах... Потому и придурки.

– Любовь, разумеется, важнее, – согласилась я со Светланой. – Но как насчет моего вопроса?

– А, про автонаезд? – выразилась она юридическим термином. – Так меня вообще в тот вечер дома не было. Мы с Петром загуляли. А вот Нинка была. Это она мне про тот случай рассказала. Только на следующий день.

Я уже было собралась спросить, где найти Нинку, но в коридоре послышался скрип открываемой двери.

– Да вот и она! Легка на помине, – воскликнула Светлана и громко крикнула подруге: – Эй, Нин, ты? Иди сюда скорей. Тут по твою душу пришли. Из прокуратуры!

Вот сейчас она была очень похожа не на студентку юридической академии, а на продавщицу с базара. Эй, подходи, налетай! Свежие ангорские козы! Хотя, по-моему, такие козы идут не на мясо, а на шерсть. Но это не важно в рассмотрении данного аспекта. Важно, что мне крайне повезло, что Нина появилась очень вовремя. Этакая румяная пышечка с русыми кудряшками в объемном розовом пуховике. Не раздевшись, она прямоком проследовала на кухню, вняв зычному призыву подруги.

– Вы ко мне? – захлопала она огромными голубыми глазами.

– К вам. Проходите, Нина, – пригласила я ее, словно была тут хозяйкой. – Вы могли бы мне что-нибудь рассказать о вечере, когда молодого мужчину сбила машина? Практически под вашими окнами. Помните?

– Помню. Было дело, – кивнула та и, сняв пуховик, бросила его на свободную табуретку. – Но я же уже все рассказала, что видела. А вернее, я ничего не видела. Только слышала.

– И тем не менее хотя бы что слышали. И еще раз. Если не затруднит. Формальности. Поймите как будущий юрист, – попросила я, мысленно радуясь тому, что наконец за что-то цепляюсь.

– Ну да, ясненько.

Эта девушка являлась полной противоположностью Светлане. Сельское воспитание в ней чувствовалось при первом взгляде. Она не старалась это скрывать модными нарядами и излишним макияжем. Вела себя просто и раскованно. Движения ее были резки, как и голос.

– И что же вы слышали, Нина? Расскажите все по порядку с самого начала. Не мне вас учить, – поторопила я.

– Поняла, – как прилежная ученица, мотнула она головой и присела на табуретку сверху брошенного ею пуховика. – Я сидела вот тут за столом и писала конспект по законодательству. В двадцать один час пять минут услышала звук мотора машины, затем глухой удар. Форточка

была открыта, и я отлично слышала. Я вскочила с места и посмотрела в окно. Но так как в кухне горел свет, а за окном была темнота, я ничего не увидела. Тогда я встала, выключила свет и снова посмотрела в окно. Но опять же ничего не увидела, потому что сбили мужика ближе к арке, а не тут. Это я потом поняла, когда на улицу вышла. А пока я гасила свет, слышала, что машина как будто разворачивается, ну, судя по звуку, юзит как-то. И уехала опять в арку.

– Почему опять? – оборвала я ее подробный, как протокол следователя, рассказ.

– А потому, – подняла она кверху пухлый пальчик, – что двор тут проездной. Насквозь. Вот в эту арку машины въезжают, а в ту, дальнюю, выезжают. Это чтоб сократить расстояние. На этой же улице одностороннее движение, а выехать можно через двор сразу на другую. Ну, или кто из своих заезжает. А эта машина перед нашим окном так и не проехала. Вот заехала, сбила человека и скрылась. Наверное, испугался водитель и сбежал с места происшествия. Вот.

Из ее не вполне понятного рассказа я выяснила только то, что более ничего интересного мне от Нины не получить.

– А почему вы так точно запомнили время? – спросила я, выслушав ее умозаключения.

– Очень объяснимо, – все больше напуская на себя важность, ответила она. – Просто в девять ровно заходил Владимир Владимирович – хозяин. Он приходил за квартплатой. Перед этим звонил, предупредил, что в девять придет. И не опоздал. С порога взял деньги, молча пересчитал и тут же ушел. Я только и успела, что за стол вернуться. Кстати, тогда подумала, не с ним ли что случилось?

– А когда же вы вышли во двор? Сразу после этих звуков?

– Нет, не сразу. Только спустя полчаса, когда сирена «Скорой» прозвучала в арке. Тогда уж я вышла, поняв, что произошел несчастный случай. Я, конечно, пожалела, что сразу не выбежала. Мне прямо так и показалось, что человека сбили. Удар такой был... Такой глухой. Если бы не помедлила, вызвала бы сразу эту самую «Скорую», глядишь, жив бы остался. Но вообще... Нет, вряд ли. Там труп прямо размят был. Ужас! И полиция сразу приехала. Ее вызвал мужик из нашего подъезда.

– Мишакин Павел Петрович? – проверила я свою память.

– Да я не знаю, как его зовут. Он с четвертого этажа, кажется. Его там опрашивали, потом тех, кто поглазеть вышел, сразу опросили. Но никто ничего не видел. А этот, как вы говорите, Мишакин просто с работы возвращался и увидел тело. Ой, а мать этого погибшего как рыдала!

– Ой, давай только без этих «ой» и красочных подробностей! – вмешалась в наш разговор до сих пор молчавшая Светлана. – Любишь ты посмаковать всякие кошмары.

Нина замолчала, обиженно засопела и поправила прядь непослушных волос.

– Девочки, – обратилась я сразу к обеим, пытаюсь разрядить обстановку, – а кто из вас знает, есть ли у Владимира Владимировича личный автомобиль?

Они переглянулись, поняв, видимо, к чему я клоню, и одновременно кивнули.

– У него джип есть. Черного цвета, – первой откликнулась Светлана. – Думаете, он мог мужика задавить?

– Пока только собираю факты по делу. А где он сейчас проживает? Телефон его есть у вас? Ведь должен быть?

– Телефон есть, а живет тут недалеко. Точно адрес не знаем, – ответила Нина.

Встав с табурета, она подхватила свой пуховик, пошарила в кармане и достала сотовый. Отыскав в нем нужный номер, она предложила мне его записать.

– Говорите, я запомню, – немало удивила я ее.

– Ничего себе! – И она продиктовала десятизначный номер, не считая первой восьмерки.

– Еще вопрос к вам, Нина. Когда вас опрашивал следователь, вы сообщили ему о том, что к вам в это время заходил Борисов?

– Владимир Владимирович? Нет. Как-то не подумала об этом, – с нотками сожаления ответила она и поспешила оправдаться: – Ой, после того, что я увидела, вообще из головы все вылетело. Да и следовательно как-то не навел меня на эти мысли.

Возликовав про себя, я поспешила распрощаться со студентками:

– Большое вам спасибо, девочки. За бесценные сведения, за чай, за потраченное на меня время, – искренне поблагодарила я их, собираясь уходить.

– Это что ж, если хозяина посадят, нам придется новое жилье искать? – задала неожиданный вопрос Светлана, провожая меня к порогу.

– А он одинокий человек? – в свою очередь спросила я, поражаясь ее нескрываемому цинизму.

– Женатый.

– Тогда квартиру вам будет сдавать его жена. Логично? – усмехнулась я и вышла.

* * *

Кое-что я все-таки нарыла, похвалила я себя и посмотрела на наручные часы. Тонкие золотые стрелки показывали двадцать один час пять минут. Как символично! По показаниям Нины, именно в это время и погиб Аркадий под колесами неизвестного автомобилиста. Кстати, не такие уж и бездарные кадры готовит наша юридическая академия. Не права Алевтина Сергеевна. Во всяком случае, относительно Нины. Эта девочка, если как следует отнесется к обучению, вероятно, и станет среднестатистическим помощником следователя. Может, и до капитанских звездочек дослужится.

Сев в машину, я сразу набрала номер сотового телефона Борисова. Ответили мне не скоро, и я уж было перепугалась, не спит ли он в столь ранний час. Но вскоре в трубке отозвался почему-то женский голос. Скорее всего – жена.

– Добрый вечер, – твердым официальным тоном поприветствовала я ее, – мне необходимо переговорить с Владимиром Владимировичем Борисовым. Это из прокуратуры беспокоят.

– Ага, понятно, – с явным недоверием отнеслась она к моему звонку, – теперь из прокуратуры. А он, девушка, в ванной. Душ принимает. У вас, видно, помыться не успел. К жене торопился.

– Вы, гражданочка, скорее всего, что-то путаете, – прибавила я своему голосу больше металла. – Я – помощник прокурора, Иванова Татьяна Александровна. Передайте трубку Борисову. Это срочно!

В трубке воцарилось молчание, а затем раздался зычный голос той же женщины: «Катя! Доча! Передай своему трубку. Какая-то прокурорша. Говорит, срочно надо», – и я сообразила, что общалась сейчас с тещей Борисова. Затем снова тишина, и позже уже другой женский голос, но не мне: «Вова, открой! Тебе звонят». Послышался плеск воды и наконец мужской колоритный бас:

– Да? Слушаю.

– Владимир Владимирович? – уточнила я.

– Да. Кто это? – спросил он, и шум воды прекратился.

– Это из прокуратуры, – безбожно врал я. – Моя фамилия Иванова. Мне надо срочно с вами встретиться и задать пару вопросов.

– О чем? – насторожился Борисов. – Вы ничего не путаете?

– Надеюсь, нет. Вопрос не терпит отлагательств. Через сколько мы можем встретиться?

– Ну-у... не знаю. Я сейчас не вполне...

– Именно сейчас! – продолжала напирать я.

– Ну ладно. Жду, – нехотя согласился он.

Поскольку я не знала его адреса, а работник прокуратуры его должен был знать, пришлось врать дальше:

- Лучше, если мы с вами поговорим вне вашего дома. Скажите, куда мне подъехать?
- Звучит интригующе. Но лучше уж поближе ко мне.

Его предложение не спасло ситуации, и я, ориентируясь на слова Нины, что живет он тут недалеко, сделала следующий шаг:

- Угол Академической и Гоголевской вас устроит?
- В принципе, да. Но минут через двадцать.

Сработало! Я объяснила, на какой машине подъеду, и ненадолго с ним распрощалась.

Через пять минут я припарковалась на углу названных улиц, а еще через пятнадцать, как и было обещано, впереди меня встала черная машина, но не «Лэнд Крузер», как я ожидала, обычная «Нива». Из нее вышел довольно шупленький на вид мужичок, что никак не вязалось с голосом, который я слышала по телефону. Обладателем такого баса, по моему представлению, должна была быть особь весом не менее ста килограммов. Быстрым шагом он направился ко мне и, открыв переднюю дверцу, ловко юркнул на сиденье.

– Я сюда попал? – добродушно улыбнулся он, бегло оглядев мою внешность. – Вы Иванова из прокуратуры?

– Верно, Владимир Владимирович, – кивнула я. – Чтобы не терять зря времени, сразу задам вам вопрос.

– Весь во внимании! – пробасил он, сел вполоборота и уставился на меня глазами-буравчиками.

– Вспомните, пожалуйста, четырнадцатого октября в девять вечера вы заходили к своим квартиранткам за очередной оплатой жилья. В это же время возле арки, почти перед подъездом был сбит машиной некий Костромской Аркадий Николаевич. Вы могли бы мне сообщить что-нибудь по этому происшествию? Видели что-нибудь? Возможно, слышали?

- А, вот вы о чем. Вот оно что, – после некоторой паузы заговорил он.

Борисов посмотрел вверх и стал почесывать подбородок. Я внимательно следила за его реакцией. Но ничего подозрительного в его поведении не обнаружила. Он не занервничал, не выдал сразу информацию, просто задумался.

– Вы знаете, да! Пожалуй. Я уж и забыл тот момент. Просто особого значения не придавал. А вот сейчас понимаю... – И он смолк, продолжая смотреть поверх моей головы.

- Что именно понимаете? – поторопила я.

– Значит, это был все-таки наезд, – словно разговаривая сам с собой, произнес Борисов. – И что, серьезные последствия?

– Вы рассказываете, Владимир Владимирович, я слушаю вас, – оставила я его вопрос без ответа.

– Да особо рассказать нечего. Но для вас, как я понимаю, все сведения хороши, – хитро улыбнулся он и зачем-то расстегнул «молнию» своей кожаной куртки.

- Правильно понимаете, – улыбнулась и я. – Итак?

– Когда я вышел из подъезда и подошел к арке, навстречу мне шел высокий мужчина. Лица я его не рассмотрел, поскольку было темно. Когда я вошел в арку, он из нее уже выходил. В этот момент в ту же арку въехала какая-то светлая легковушка, ослепив меня фарами. Я отошел в сторону, пропуская ее, и вышел на улицу. Почти сразу услышал глухой стук. Машинально обернулся, но позади себя ничего, кроме пустой арки, не увидел. Ну и пошел дальше. Все.

– И вам не пришло в голову вернуться и посмотреть, что случилось? – разочарованно спросила я.

– Честно сказать, нет. Я спешил. И потом, может, тачка врезалась во что-то. Я как-то не придавал тому особого значения. Но вот удар этот мне потом некоторое время не давал покоя. Теперь вот понимаю, что случилось.

– А какой марки был этот автомобиль? Номерные знаки?

– Марки?! Да я и цвет-то точно назвать не могу. Но светлая – это железно. Может, белая. Или бежевая. Светло-серая, возможно. Говорю, темно было. А хотя... – тут он снова задумался, уставившись на свои руки. – Да! Я ведь пешком пошел. Потом услышал, что уже из арки машина выехала. Сразу почти. Я опять обернулся, мельком через плечо глянул. И это была какая-то наша светлая, опять же, тачка. Точно! Либо «девятка», либо «восьмерка»! – довольный собой воскликнул он. – Да-да! Если это была та же, что на парня наехала, то ищите «девятку» или «восьмерку». Что-то в этом роде. А он что, помер?

– Да. Иначе мы бы так не суетились.

– Ну да, ну да. Понимаю, – поморщил он свой тонкий нос.

– А кроме звука удара, вас тогда никакие другие звуки не насторожили? Визг тормозов, например? Ведь должен же был водитель резко затормозить, если надвигался на человека. Реакция ведь чаще одна на такие ситуации.

– Хм... Кстати, нет. Точно нет! Может, я поэтому так халатно и отнесся к этому? Да и вскриков никаких не было. Машина, между прочим, в арку въехала на малой скорости. А вдруг его специально сбили? – осененный догадкой, посмотрел на меня Борисов. – Уж слишком быстро все произошло. Как по плану. Вот если человека сбил, да еще и в темном дворе, как наш, все-таки, наверное, выйдешь из машины и помотришь, что к чему. Так?

– Или сбил, испугался и деру дал, – выдвинула я свою гипотезу.

– Черт его знает, – дернул он плечом. – Но вот теперь, когда я все так хорошо вспомнил, мне кажется, не все тут чисто. Это я вам как шофер с почти тридцатилетним стажем говорю. Если бы водитель ехал быстро, то понятно. Но этот, при его-то скорости, сильно бы не ударил. Да и затормозить вполне успел. И уж никак не насмерть! А у вас какие догадки?

При этих словах Борисов неожиданно хлопнул меня по коленке и засмеялся. Таких фамильярностей я от него если и ожидала, то не в данный момент. Он, конечно, бабник. Сразу видно. Недаром его теща разговаривала со мной, как с очередной любовницей. Но тут уж пошел перебор.

– Догадываюсь, что это лишнее, – строго ответила я, кивнув на свою коленку.

– Да ладно. Чего такого? Поехали, расслабимся? – И он снова потянулся к моей ноге.

Резким ударом ребра ладони я отбила его руку и мило улыбнулась:

– В другой раз, Вовик.

– Ого! Как злобно ты ко мне. А я-то думал, что помог тебе. И где благодарность? – еще с надеждой в голосе спросил он, потирая ушибленное запястье.

– А вы зайдите в Октябрьский отдел полиции, вам там орден выдадут. Или согласен на медаль?

– О, образованная. Твардовского читаешь.

– Читала. В школе еще. Ладно, будем прощаться, господин Борисов.

– Жаль, жаль, – обиженно пробасил он. – Тогда, извините, не понял, зачем надо было меня на улицу вызывать? Зашли бы домой.

– Теща у вас больно злая, – быстро нашлась я, что ответить на его вполне логичный вопрос, – спокойно не поговорили бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.